

Михаил Стафеев

Безвременная в Облаках

12+

Михаил Владимирович Стафеев

Безвременная в Облаках

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62999821

SelfPub; 2020

Аннотация

Лили. Обычная девочка с обычными заботами и довольно заурядной жизнью. Однако всё так лишь на первый взгляд. Отправившись с ней в небольшое путешествие, за три коротких эпизода вы сначала познакомитесь с ней, затем узнаете, чем её жизнь отличается от жизни сотен и тысяч других таких же девочек, а потом узрите трагедию, так незаметно подкрадывающуюся к ней. Лили, милая Лили, что же произошло?

Содержание

1	4
2	11
3	27

1

Дверь с тяжёлым стуком захлопнулась и машина, захрипев мотором, начала понемногу набирать скорость. Лили, рассматривая в окне свежие, яркие пейзажи только что наступившего лета, удобно расположилась на чёрной коже заднего сидения и прислонилась головой к окну. Деревья за стеклом начали очень быстро сменять друг друга и неровности дороги, на которых то и дело немного подскакивала машина, заставляли Лили то и дело не сильно попрыгивать на стекле, немного ударяясь об него носом, что забавляло её. Она пододвинулась по ближе к переднему сидению и с трудом обвила мать руками. “А что мы будем завтра делать?” – спросила Лили. “У Папы завтра важная встреча с партнёрами, а мы, думаю, сможем погулять по городу или сходить на какую-нибудь выставку” – ответила Мама своим нежным, тёплым голосом. Лили пододвинулась ещё ближе к ней и зарылась в её густые, каштановые волосы. Мама повернулась и поцеловала её в румяную щеку. Лили слегка улыбнулась и откинулась назад, продолжив ударяться носом об тёплое стекло.

Она была в предвкушении от этой поездки – отец часто летал и ездил на различные встречи и совещания с такими же важными и серьёзными людьми, как и он сам, однако в этот раз с ним поехала не только его любимая жена, но и ми-

лая Лили. Жаль только, что её сестра не смогла к ним присоединиться – экзамены...

Дорога предстояла не близкая, а солнце – утомляло, и поэтому Лили, ещё несколько минут молча понаблюдав за смеющимися за окном деревьями, полями, одинокими домиками и коровами, иногда пасущимися недалеко от дороги, всё же попыталась каким-то образом прилечь на задних сидениях и немного вздремнуть. Она легла неудобно (впрочем, редко в машине можно лечь удобно), однако монотонные пошатывания автомобиля, играющие на потолке золотые солнечные блики, и всеобщая усталость Лили (она самоотверженно не спала всю прошлую ночь – отец, прямо в пути показывал ей созвездия на небе) довольно быстро помогли ей провалиться в приятную, гладкую атмосферу доброго сна.

“Заснула” – сказала мать Лили, увидев её, тихо посапывающую на задних сидениях. Отец тоже мельком взглянул на его сладкую дочь и улыбнулся. “Как думаешь, когда ей будет лучше сказать? Всё-таки новость важная...”. “Думаю, скажем по приезде в отель. Может быть вечером, если успеем все вместе поужинать. Или послезавтра, после твоих встреч с партнёрами. Они ведь не продлятся больше суток, верно?” – с надеждой спросила Мама. “Мистер Крамер, конечно, захочет тщательнейшим образом просмотреть, обдумать, и перепроверить все документы, однако немцы люди практичные – просто так время тратить не будут...” – заявил, слегка усмехнувшись, отец. Они оба улыбнулись и продолжили

весело молча смотреть в стекло, наблюдая как мелкие жучки то и дело трагически разбивались об него. “А всё-таки жаль, что Мия не смогла поехать. Уверен, ей бы понравилось”. “Дорогой, ну ты же отлично знаешь как важны для неё эти экзамены и поступление. Всё-таки выпускной год.” “Да, ты права, экзамены она сейчас ни на что на свете бы не променяла...” – снова усмехнувшись сказал отец.

Зеленые луга, пастбища, невысокие пригорки, влажные овраги пробегали слева и справа от машины. Дорога, лентой лежащая на этих тихих, исторических местах, то и дело сильно виляла, заводя путников то в лес, наполненный высокими, тонкими, и даже немного нелепыми соснами, то проводя их посреди огромного поля, зелёного и свежего. Иногда эта дорога начинала петлять возле небольших серых скал, иногда – возле одинокой, прозрачно-чистой речушки, мило журчащей и источающей приятную прохладу. Изредка им на пути мог попасться такой же, как и они, одинокий странник: пожилой велосипедист, медленно покручивающий педали и неведомо как оказавшийся в этой глуши; корова, белая, с шоколадного цвета пятнами, спокойно пощипывающая молодую, сочную травку в этой природной умиротворённости; рыжая, еле заметная лисичка, мигом перебежавшая дорогу и скрывшаяся где-то среди древних деревьев; пара грибников, в одинаковых, белых панамках, выходящая из леса с корзинками, полными грибов; молодая девочка, сидящая рядом с козой, привязанной к какому-нибудь невысокому дубу, и

прикрывающая ладошкой книгу, листающая заветные страницы, нетерпеливо желая узнать, чем же закончится вечная любовь мальчика из Монтеки и девочки из Капулетти; темноволосый мужчина, сидящий перед высоким мольбертом и творящий магию красок... Семья, сидящая в машине и наблюдающая всё это вокруг них, плавно плыла по простору природы, наслаждаясь счастьем спокойствия и умиротворённости. Над ними так же плавно летели молочные облака, чистые, невинные, пушистые. Рядом с этими облаками иногда пролетала одинокая птичка, осматривающая свои владения с высоты, а иногда целая крылатая стайка, направляющаяся бог весть куда... И выше всего этого, выше *всего и всех* было лазурное, бесконечно синее небо, смешавшее в себе все существующие оттенки, количеству которых позавидовать мог даже самый одарённый художник. Это небо, вечное и бессмертное, хранило под собой все богатства земли и покровительствовало над всем, что было над, на, под и в земле или воде. *Pax Natura.*

Чрез век природы время шло,
Бежала кровь в груди девичьей,
Спала она, и солнце жгло,
В лазурных небесах величья

Полз понемногу шар на небе,
Тьма стала землю накрывать,

Темны теперь и лес, и степи,
Сон девочку стал отпускать.

С улыбкой крепко потянулась,
Открыла глазки ото сна,
И осторожно оглянулась,
Румяно-рыжая она.

Лили, моргая, приподняла веки, усеянные тоненькими ресничками, и сквозь мутную дымку пробуждения заметила, что всё вокруг неё погрузилось в темноту. Она, немного поскрипывая кожей кресел, приподнялась и пальцами потёрла всё ещё сонные глаза. Родители молчали, по окну крепко стучал сердитый дождь. В мокром окне то и дело расплывались широкие пятна придорожных огней, которые, увеличившись и покрыв собою лицо девочки, вдруг очень быстро исчезали, вскоре по новой начиная свой прилив. Лили подо двинулась по ближе к матери и, снова приобняв её сзади руками, поцеловала её в тёплую, нежную щеку. Отпрянув назад, она, уже, как и всегда, своим веселым голосом спросила: “Папа-а, сколько нам ещё ехать?”. “Соня, ты уже проснулась? До отеля ещё минут тридцать езды, впрочем, из-за дождя может быть чуть больше...” – призадумавшись сказал отец. На лобовом стекле активно и неустанно трудились дворники. Дождь понемногу усиливался, отдельные, толстые капли стали соединяться в целые ручейки воды, падая с небес и

водопадом опускаясь на гладь дороги. В машине стоял лёгкий ливневый гул. Лили крепко потянулась и опять приложилась лицом к окну. В этот раз оно оказалось очень холодным и, только коснувшись его кончиком носа, Лили даже немного отпрянула, обжёгшись холодом стекла. За ним же всё и вправду стало напоминать небольшой водоём – дорога была на несколько сантиметров погружена в воду; ночная тьма, которую ливень лишь усилил, иногда прерывалась яркими бликами фонарей или встречных машин, которые будто маяк посреди шторма на несколько секунд освещали собой путь. Лили посмотрела на широкий экран между Мамой и Папой – часы на нём показывали 22:09. Она снова откинулась на мягкую кожу кресел и стала так же молча и сосредоточено, как и родители, наблюдать за мокрой дорогой и плясками света на слегка запотевшем стекле.

“Кстати, у нас с мамой есть для тебя важная новость...” – загадочно улыбнувшись промолвил Отец. “Ух ты! Рассказывай давай!”. “Нет уж милая, не всё так быстро, иначе будет не интересно!”. “А когда тогда расскажете?” – ожидающе спросила Лили. В разговор вмешалась Мама: “Мы тебе обязательно всё расскажем либо сегодня, если сможем все вместе поужинать в отеле и ты, соня, снова не заснёшь, или послезавтра, когда папа вернётся со встречи. В любом случае – утро вечера мудренее...”. Лили, взбудораженная неожиданными новостями (пусть пока ещё и ожидающими её), крепко накрепко решила ни в коем случае не засыпать, а поэтому

снова, через небольшое усилие, приложилась лбом к холодно-бодрящему, с испариной стеклу. Отец, взглянув на свою дочь, лишь улыбнулся и тихонько усмехнулся. Он погладил жену по руке, а после, ещё сильнее улыбаясь, провёл рукой по её животу. Мама, усмехнулась, сказала: “Что ты, рано ещё!” и осторожно, опасаясь, как бы Лили не заметила этого неловкого движения, убрала руку со своего живота. Дождь стучал по машине и по дороге. В глаза бил яркий свет фар, проезжающих на встречу автомобилей. А в самой машине тихонько стучали любящие сердца. *Четыре* любящих сердца.

Машина, рвась сквозь литры падающей на неё воды, свернула с основной дороги. В самом конце улицы показалась яркая, большая, светящаяся цветами вывеска отеля. Лили, придвинувшись по ближе к окну, засмотрелась на все эти дразнящие блики и искры света. Вдруг, сбоку от машины что-то резко и громко визгнуло.

Холодные капли дождя. Свет вывески.

2

Первое, что почувствовала Лили, когда проснулась, был стойкий, излишне концентрированный, однако столь любимый ею запах духов её отца. Он стоял у окна и что-то спокойно рассматривал на оживлённом отельном дворике. Лили заёрзала в кровати, наслаждаясь её обволакивающей теплотой и нежностью и надеясь как можно дальше оттянуть момент расставания с её теплом. Отец тихо подошёл и аккуратно провел рукой по рыжей головке своей дочери. Лили улыбнулась и даже тихонько хихикнула, однако, зажмурив посильнее глаза и стараясь скрыть улыбку, она сделала вид будто всё ещё спит. “Лили, дорогая, я знаю, что ты уже не спишь” – сказал, улыбнувшись отец. “Мне очень жаль, но боюсь, что твой с мамой запланированный на сегодня поход в галерею придётся отложить – оказалось, что наш с ней старый друг тоже в городе и он предложил нам встретиться, однако боюсь, что тебе с нами будет совершенно скучно... Мама уже ждёт меня в машине” – заявил отец. Лили, всё ещё тёплая и румяная ото сна, повернулась к нему и, зевая, сказала: “Не волнуйтесь, Папа (она во французской манере сделала ударение на второй слог), думаю, что я совершенно отлично проведу этот день и без вас. Тем более что в этом отеле, судя по твоим рассказам, есть множество интересных дел, которыми можно заняться!”. Отец поцеловал Лили в розо-

ватую щечку, взял что-то со стола, приказал в случае любого ЧП звонить ему и постараться держать свою жажду приключений в узде и уверенными, как и всегда твёрдыми шагами вышел из номера.

Лили ещё раз потянулась и с не малым трудом покинула нежные, белоснежные объятия постели. Быстро наведя утренний туалет, она, на пару минут задумавшись чем бы ей и вправду заняться в этот вдруг опустевший день, решила в первую очередь позавтракать. Через несколько минут в дверь постучались и внутрь вошла милая, черноглазая горничная средних лет. Улыбаясь, она катила перед собой небольшую, позвякивающую тележку на которой стояло одинокое, накрытое блестящим, серебристым баранчиком блюдо. Горничная заботливо перенесла тарелку на стол, дополнила этот натюрморт приборами и, всё так же вежливо, покинула номер. Как только Лили подняла баранчик, комнату сразу же заполнили множество запахов свежих фруктов. Лили, вдоволь насладившись их ароматом, отведала несколько сладких плодов и на вкус.

Наевшись, она запрыгнула на кровать и несколько минут просто лежала, наслаждаясь сладким, еле тёплым ветром, дующим с приоткрытого балкона, сладостью только что съеденных фруктов, вкус которых всё ещё вертелся на её языке, счастьем этой поездки, которая обещала быть крайне насыщенной и запоминающейся, и несчастными в последнее время, но всё-таки важными для молодой девушки минутами оди-

ночества...

Телефон вдруг зазвонил, в трубке спросили не она ли это заказывала обед из ближайшего ресторана. Лили, справившись со своим желанием ответить, что это именно она и заказывала, быстро повесила трубку, однако в её голове всё же появилась шальная идея как с интересом провести как минимум начало сегодняшнего дня. Она ловко набрала по телефону ресторан “Метогіо”, находившийся при этом чудном отеле (фрукты были именно оттуда) и, как только ей ответил бархатный женский голос на другом конце провода, Лили, криво изображая итальянский акцент, заговорила: “Доброе утро! Меня зовут... в прочем это не важно. Я менеджер соседнего ресторана. Вчерашним вечером наше заведение посетила известный критик... извините, её имя я не имею права называть. Насколько нам известно, сегодняшним утром она планировала посетить именно ваш ресторан! Будьте готовы!”. Девушка в трубке, видимо не на шутку разволновавшись и поверив Лили, затараторила: “Спасибо, боже, спасибо вам, коллега! Я сейчас же предупрежу соответствующих людей о её визите. Однако может быть вы могли бы хотя бы описать этого инкогнито?”. “Рост около метра шестидесяти, зелёные глаза, огненные волосы, уверенная походка, милое в общем-то личико. Ах да, она будет выглядеть очень, очень молодой, однако не верьте вашим глазам, ей точно больше восемнадцати!” – сказала Лили и, выслушав многочисленные благодарности, сбросила трубку. “Шалость удалась!” –

пролетело в её голове.

Лили, окрылённая ожидающими её приключениями и ролью важного ресторанным критика, которую она очень даже была рада сегодня исполнить, быстро одела лёгкое, голубое летнее платье, напялила папины запасные очки в тонкой, изящной серебряной оправе, предварительно достав их из его чемодана и, в предвкушении веселья спустилась из номера в лобби.

Её взгляду предстал довольно величественно выглядящий холл: колонны, белые, с тонкими изумрудными, сырными прожилками, твёрдо и уверенно поддерживали своим телом высокий и тяжелый свод потолка. Стены, синие с белым, были то украшены яркими, запоминающимися полотнами с абстрактными образами на них, то детальными и очень качественными репродукциями классических творений великих художников. По середине холла был помещен небольшой, довольно изящный фонтанчик. Вода в нём омывала нагое, гладкое, бледное тело греческого Морфея, который был представлен в образе маленького, “сливочного” мальчика с виноградным венком на голове, держащего в одной руке кувшин с вином, а в другой – тонкое, будто по-настоящему невесомое пёрышко. В отдалении от наблюдающей всю эту картину Лили виднелись строгие, тёмные столы ресторана “Memorio”. Как апофеоз всего, будто звезда на новогодней ёлке, надо всем этим светлым величием, с белого, высокого потолка свисала огромная, дразнящая сотнями и тыся-

чами маленьких бликов люстра. Лили сразу вспомнила, что совсем недавно похожую люстру они видели с отцом в одном из известных европейских театров, где она так же поразила её своим величием и огнём, и блеском тысячи маленьких стёклышек, подмигивающих ей.

Всё это Лили видела не впервые – они с Отцом Мамой въехали в этот отель вчера вечером, однако она, полу спящая, лежа на сильных руках её отца, который аккуратно нёс её, через слегка приоткрытые, то и дело слипающиеся глаза смогла заметить лишь цвет стен и играющий, подмигивающий блеск света, мешающий ей погрузиться в объятия манящего сна. Взяв себя в руки, Лили, в миг превратившись во вполне себе даже достоверную, молодую, но уже успешную и строгую бизнес леди, уверенными шагами прошла к столам ресторана. Как только она села, к ней с сияющей, фарфоровой улыбкой подошёл официант и протянул ей обитое кожей, высокое меню. Она, приняв этот “дар”, исподлобья проследила за официантом, который, нервной походкой быстро шмыгнул на кухню и видимо стал сообщать шефу о прибытии того самого критика, о котором ему сообщили незадолго до этого. Лили усмехнулась и, довольная собой, стала, изображая ревизора, пристально рассматривать меню. Вскоре к ней опять подошёл официант и пушистым, добрым голосом спросил: “Леди, вы определились с выбором?”. “Пожалуй, да. Я буду нисуаз, тальяту, и... какой-нибудь десерт. На ваш вкус” – сказала, улыбаясь и демонстративно припод-

нимая очки, Лили. Она специально выбрала в меню самые непонятные ей слова и решила, что так будет даже интереснее. Официант, так же вежливо улыбаясь, записал её заказ в блокнот и удалился. Блокнот! Только сейчас Лили поняла, что она забыла про важнейшую, по её мнению, часть образа истинного критика – блокнот и ручку, в который она должна, время от времени ненадолго задумываясь и поглядывая в потолок, записывать судьбоносные для этого ресторана слова. Лили, спокойно встав со своего места, быстрыми, невозмутимыми шагами направилась обратно в холл, потом к лифту. Поднявшись на нём, она, заметив, что коридор пустует, бегом пустилась к двери своего номера, приложила ключ-карту к ручке и мигом влетела в комнату. Блокнот, где взять этот блокнот?! Лили стала рыться в чемодане её отца, потом в чемодане матери, стараясь найти хоть что-то, что могло бы сойти за блокнот, но ничего не находилось. Однако вскоре, оглядевшись, она заметила маленькую бордовую записную книжечку, которая словно спасительная тень в жаркий день, в гордом одиночестве лежала на столе. Лили схватила эту книжечку, внутри которой (о чудо!) лежала и маленькая, серебристая, гравированная ручечка, и так же молниеносно вылетела из номера.

Вернувшись за свой стол, Лили с радостью для себя обнаружила, что как ни странно никто будто бы даже и не заметил её отсутствия. В ожидании блюда, она решила мельком рассмотреть людей за соседними столиками. Недалеко сле-

ва от неё за таким же тяжелым, темным столом сидела относительно пожилая дама, в белом костюме, с белыми, блестящими немного волосами и черной, пухлой родинкой на шее. Напротив неё сидела миниатюрная девочка лет девяти, в свободном, бирюзовом платье и, с выражением обиды и отрицания на светлом лице, молча ковыряла увесистой вилкой что-то в своей тарелке. Справа от Лили сидела молодая пара: мускулистый, высокий, черноглазый мужчина, чьё лицо будто бы скрывала тёмная маска большой бороды и густых бровей и его спутница, гладкая, блестящая девушка, такая же темноволосая и черноглазая, с тонким, грациозным станом и маленькой (прямо как в фильмах) родинкой над верхней губой. Супротив Лили сидела красивая девушка, буквально на пару лет старше ей самой. Золотые, пушистые кудряшки мило подпрыгивали при каждом движении её головы; изящные губы, еле розовые, были немного поджаты; глаза, вроде бы карие, светились янтарём под лучами солнца, и сама эта девушка была как воплощение солнца, блестящая, яркая, тёплая, и было в ней что-то знакомое...

Взгляд Лили прервал официант, неожиданно взгромоздивший прямо перед ней большую, полированную серебряную голову с тонким хохолком на верху. С еле слышным звоном подняв её, взору Лили предстала изящная, цветастая композиция «Nicoise». Закрыв глаза и поместив несколько деталей этого натюрморта в рот, Лили, восхитилась насыщенностью этой палитры ярких цветов и таких же ярких,

идеально сочетающихся вкусов. На миг её сознание переместилось на лазурный, горячий берег Ниццы, покрытый ковром из бархатного, нежного песка, который заполняет собой места между пальцами и тепло обволакивает ноги...

Лили, быстро вспомним про свою сегодняшнюю роль, вырвала себя из объятий красивых образов и вернулась в данность не менее красивой реалии. Она взглянула на официанта, который так и стоял рядом с ней и с трепетом наблюдал за каждым её движением и не сильно, одобряющее кивнула головой. Официант, заметно сдавив в себе улыбку, лишь слегка поклонился и удалился, пообещав в скором времени представить второе блюдо.

Следующие минуты Лили, открыв тот самый бордовый блокнот, игриво изображала из себя самого настоящего, усердно работающего критика, но и вправду описывала образы, эмоции, ощущения, что чувствовала она во время пробы столь поразившего её блюда. Ещё через несколько быстро пролетевших минут всё тот же импозантно-усатый официант поместил перед ней очередную серебряную голову, под которой в этот раз скрывалась не менее яркая тальята. Пейзаж леса, нет, джунглей из свежей, ароматной рукколы дополняли одинокие скалы тонко нарезанной мраморной говядины. В один миг Лили перенеслась на зелёные луга Альп, в обитель свежего, вкусного воздуха, приятной прохлады ветра и яркого запаха зелени. И снова Лили пришлось вернуть себя в реальность, снова она тихо кивнула официанту, тот

снова сдержал себе улыбку и сообщил, что десерт представит ей сам шеф-повар их ресторана. Лили была очень рада услышать это – сам шеф, да ещё ресторана, где умеют готовить такие шедевры представлялся ей волшебником, магом пищи.

Книжечка стала снова наполняться новыми образами, ощущениями, и чувствами. Краем глаза Лили заметила, что пара, сидевшая до этого справа от неё (мужчина в маске бороды и девушка с кокетливой родинкой) куда-то исчезла, а за их стол переместилась теперь та самая золотая девушка с янтарными глазами и мило подпрыгивающими кудрями, которая будто бы даже как-то слишком пристально наблюдала за Лили.

Десерт и вправду не заставил себя долго ждать – Лили издалека заметила необычно (даже очень необычно!) молодого шефа, аккуратно толкающего перед собой тихо дребезжащую тележку, на которой мостилась всё такая же большая, зеркальная голова с хохолком. Шеф, подойдя ближе, ловким движением обезглавил блюдо и на нём показалась маленькая, хрупкая тарелочка, в которой, будто притаившаяся за охотой лисичка, ютилось рыжеватое-песочное крем-брюле. Шеф, уверенно и чётко поднял откуда-то снизу изящную рюмку и угрожающую горелку. Вылив содержимое сосуда на крем-брюле он, аккуратно поднёс горелку и в секунду на блюде всполохнул огонь. Но Лили не так волновал огонь перед ней: истинное пламя разгорелось *внутри* неё. Она сле-

дила за движениями уверенных, мускулистых рук этого молодого шефа, за его агатовыми, блестящими глазами, за лёгкими движениями бровей, за его каштановыми волосами и лёгкой щетинкой на лице. И пока сахар на блюде медленно таял, превращаясь в сладкую, ароматную карамель, сердце Лили так же быстро и безвозвратно таяло под взглядом её шефа.

Он аккуратно перенёс крем-брюле на стол к Лили и она, не отводя взгляда от него (нет, вовсе не от блюда), робким движением ложечки разбила сладкую корочку и попробовала творение этого пищевого мага. И снова она перенеслась в другое место, но в этот раз в пески пустыни, сухие, горячие, удушающие. И он, будто оазис в огне пустынного солнца, появился перед ней, будто спасительный огонь маяка, вдруг вынырнувший откуда-то во время шторма. Лили, вдруг так быстро обворожённая, не осознающая больше себя, теперь полностью принадлежала его обаянию и его желаниям. Всё закрутилось вокруг неё, всё теперь не имело смысла, а имело смысл лишь то, что было важно для него. Они резко сорвались куда-то, позабыв про всех и про всё, отдаваясь лишь друг другу, но отдаваясь полностью. Они убежали от забот и лишних волнений. Они кружились, шутили, играли, наслаждались, и снова шутили. Они не были детьми, но детские, глупые даже шалости веселья захватили их: младенец Морфей, властелин своего фонтана, вдруг сделался уса-тым. На кухне ресторана совершенно неожиданно пропали

все их многочисленные запасы нежнейшего фисташкового мороженого, и эти же запасы у себя в номере вдруг обнаружил маленький Франческо, не поверивший даже сперва своему счастью. Маленький, мраморно-белый и на редкость воспитанный пудель Мадам Ланти вдруг сделался совершенно оранжевым, и издалека его можно было запросто принять за странного вида лисичку. Стекланный шар на стойке ресепшена, наполненный обычно бельгийскими сладостями, крайне неожиданно опустел, но вскоре наполнился снова. Милая, беловолосая София, стоящая за стойкой того самого ресепшена, лишь через час обнаружила, что теперь бельгийский шоколад, разодетый в цветастые костюмы, вдруг почему-то стал обильно посыпан солью...

И было больше, больше таких же по-детски милых шалостей и затей, однако автор смог взять на себя смелость рассказать лишь о нескольких самых простых из них. Тем временем, за всеми этими метаниями Лили и её шефа, город стал медленно покрываться тонкой вуалью сумерек, тёплых и по-летнему душистых. Лили, уставшая и влюблённая, так искренне и страстно, как любят подростки в первые часы или дни их влюблённости, вместе со своим шефом (в настоящее шефство которого она верила всё меньше и меньше), зашла в номер. Впервые за долгое время взглянув на телефон, она увидела сообщение от отца, в котором сообщалось о его скором прибытии. “Папа скоро придет, думаю тебе... пора...” – будто ненароком обронила Лили. Шеф, с выражением со-

вершенного, кроткого понимания молча кивнул, и, подойдя по ближе, крепко обвил милую Лили своими сильными руками. “Мы ведь встретимся завтра?” – с волнением спросила она. “Встретимся. И завтра, и послезавтра, и ещё много, очень много раз. И нам будет так же хорошо. Обещаю” – уверенно сказал шеф. Лили улыбнулась и зарылась лицом в его крепкое плечо, и они стояли так, под дуновением свежего, бодрящего ветра, тёплые, нежные, влюблённые...

Борясь с собой, Лили с трудом отошла от своего поварёнка. Они взглянули друг другу в глаза и он, слегка поклонившись, вышел из номера, аккуратно и тихо прикрыв за собой тяжёлую дверь.

Лили прикрыла окно и рывком прыгнула на кровать. Множество мыслей пролетали в её голове, множество переживаний, волнений, чувств будоражили её сознание. Однако она, помня великую народную истину “утро вечера мудренее”, которую часто любила повторять её мать, а также не очень-то и желая делиться с родителями её новыми волнениями и эмоциями решила, как можно быстрее погрузиться в приятно манящую теплоту и нежность кровати. Лишь только Лили забралась под одеяло, она услышала приближающиеся к двери уверенные шаги – отец. Дверь с тонким, еле слышным скрипом отворилась и в номер на цыпочках и вправду вошёл её «папá». Он тихо подошёл к её кровати и, увидев уже спящую Лили, лишь аккуратно провёл рукой по её рыжим, мягким локонам, и после с таким же тонким дверным скрипом

вышел.

Спустившись в холл, отец Лили (раскрою наконец его имя: звали его Джордж – мистер Джордж для коллег, господин Джордж для подчинённых, Джорджи ... для его любимой жены), вынул из кармана маленькую, чёрную рацию и быстро буркнул в неё пару слов. В течении пары следующих минут в холле магическим образом собрались все, кто был в этом отеле – официанты, повара, другой персонал, девушка и парень со стойки ресепшн, та самая пожилая дама с пухлой родинкой на шее, сидевшая слева от Лили в ресторане, тот самый мускулистый мужчина с “бородатой маской” и его черноволосая девушка с тонким станом и кокетливой родинкой над верхней губой, мадам Ланти и её покрашенный пудель-лис, та самая светлая, будто солнце девушка, почему-то так пристально наблюдавшая за Лили во время её трапезы и... сам поварёнок Лили, со светлыми, агатовыми глазами...

Золотая девушка подошла к Мистеру Джорджу и он, устал улыбаясь, похвалил всю его команду за ещё один проведенный здесь день, поблагодарил за всю их работу, и, попросил рассказать о каких-либо расхождениях с их обычным планом. Пожилая дама с родинкой на шее – доктор Роза Робертс – сообщила, что сегодня у Лили, во время первого знакомства с “поварёнком” немного сильнее чем обычно ускорился пульс. Её коллеги – доктора Фабиан и Франческа Милнер (бородатый мужчина и его девушка с родинкой) сообщили, что они никаких внешних отличий от стандарт-

ного поведения Лили не заметили. Тот самый поварёнок – студент-актёр Чезаре, так же не отметил никаких явных отличий от обычных действий и слов Лили. Мистер Джордж, сделав несколько коротких пометок в своей записной книжке, ещё раз искренне поблагодарил всю команду за её верный и ответственный труд и, закончив свою реплику словами: “Завтра начинаем в это же время. Всем хорошего вечера!”, устало опустился на стул за одним из столов в холле. Напротив него села всё та же светлая, солнечная девушка, чьё лицо теперь сияло чуть меньше, чем обычно, и которое теперь тоже покрывала еле заметная маска усталости. Через суетливых несколько минут холл опустел. Было тихо, и лишь тяжелые, уставшие вздохи мистера Джорджа и яркой Мии прерывали эту величественную тишину. “Ну что, как твоя сестра вела себя сегодня?” – ожидающим тоном спросил мистер Джордж. “Вроде бы как обычно. Всё так же забыла на столе в номере записную книжку, снова заказала нисуаз и тальяту, снова была совершенно поражена их вкусом. Да, всё ровно так же, как было и в прошлом месяце, и на прошлой неделе, и вчера, и как, видимо, будет завтра...” – грустным тоном сказала Мия. “Сегодня так раз был у врача. Они провели очередной консилиум – вывод всё тот же: окончательное восстановление мозга и кратковременной памяти не-воз-мо-жно”. “И сколько всё это будет продолжаться? Мы ведь не сможем организовывать ей «идеальный день» постоянно...”. “Да, не сможем. Но пока у меня есть любая

возможность скрасить её жизнь – я буду эту возможность использовать. Как никак, это все-таки я виноват в том... что случилось с Лили и... мамой.” – заявил мистер Джордж (на последнем слове его голос сорвался). Мия подошла к своему отцу и, громко вздохнув, крепко обняла его. “Пойдём,” – сказала она и они вместе, молча поднялись на третий этаж и сквозь тяжелую, светло-древесную дверь вошли в номер.

Милая Лили крепко спала, тихо посапывая. Она не могла проснуться – врачи каждую ночь, как только она засыпала, вводили ей небольшую, но действенную дозу снотворного. Мия подняла со стула сегодняшнее платье своей сестры и, аккуратно пригладив его, заботливо повесила обратно в шкаф. Мистер Джордж, обнаружив на полу ту самую бордовую записную книжечку, нежно вырвал из неё те листы, что Лили заполнила сегодня и, осторожно свернув их, поместил во внутренний карман пиджака. Саму книжечку он аккуратно положил на угол стола, где её утром и нашла Лили. Прделав ещё несколько небольших манипуляций, отец и дочь подошли к тёплой, спящей Лили, которая в эту секунду наблюдала какой-то шероховатый сон и по очереди аккуратно, но крепко обняли её. Они погладили милую Лили по её мягким, рыжим локонам и медленно вышли из номера. За дверью, в длинном и уже тёмном, одиноком коридоре, мистер Джордж и золотая Мия в очередной раз обнялись и тихо разошлись по своим номерам. В номере мистер Джордж, устало упав на кровать, аккуратно достал из карма-

на маленький, серебряный, в форме сердца медальон и дрожащими пальцами открыл его. На одной его стороне, с маленькой, уже заметно потёртой фотографии на него смотрели зелёные, глубокие глаза его любимой, обожаемой жены. На другой стороне медальона ютился маленький, довольно неразборчивый снимок УЗИ. Мистер Джордж, окинув тяжёлым взглядом эту маленькую, драгоценную для него вещь, приложил холодный металл к своей груди и, повернувшись лицом к стене, тихо заплакал.

Город, сумеречный и тёплый, заснул. И где-то в этом вечном городе крепко спала весёлая, рыжая девочка с зелёными, любопытными глазами, которая никогда не вспомнит, что было вчера, и никогда не будет знать, что ждёт её завтра.

Первое, что почувствовала Лили, когда проснулась, был стойкий, излишне концентрированный, однако столь любимый ею запах духов её отца. Он стоял у окна и что-то спокойно рассматривал на оживлённом отельном дворике. Лили заёрзала в кровати, наслаждаясь её обволакивающей теплотой и нежностью и надеясь как можно дальше оттянуть момент расставания с её теплом...

3

Большой, холодный, серый камень стоял прямо перед Лили. Вокруг него золотым, медным ковром густо лежали опавшие листья. Они были мокры от недавно прошедшего дождя и издавали привычный осенний запах сырости и лёгкой гнильцы. Высоко над Лили пролетал широкий косяк запоздалых птиц, всё ещё не улетевших от понемногу наступающих холодов. Мия, стоя рядом с сестрой, задумавшиськовыряла носком сапога сырую землю. Камень своей заметной тяжестью сильно давил на Лили, усиливая и так не малую тяжесть того, что вдруг так резко свалилось на неё сегодняшним не добрым утром. С камня медленно стекали прохладные слёзы недавнего дождя. Посередине него были выдавлены глубокие, широкие, тёмные буквы: *“Камилла Элизабет Купер”*. Лили снова и снова пробегала по ним глазами. Снова и снова по её спине бежали мурашки. И снова она никак не могла поверить в то, что видела в эту секунду перед собой.

Мистер Джеймс курил где-то поодаль. Исподлобья он поглядывал на своих девочек, его сердце билось в бешеном ритме. Лили теперь всё знала. Впрочем, завтра она уже ничего помнить не будет, хотя именно это меньше всего волновало её отца. Он дрожащими руками одну за одной вынимал из пачки сигареты и нетерпеливо, жадными вздохами выкуривал их. Он засунул руку в карман – ещё одна сине-белая,

ещё не мятая пачка “Балтимора”, телефон, металлическая зажигалка с гравировкой на блестящем боку, что-то тяжелое, гладкое и прохладное – всё было на месте. Краем глаза он заметил, что Лили опустилась на колени перед могилой матери. Сердце мистера Джеймса стало биться ещё быстрее.

Лили, рукавом стерев с тёплой щеки одинокую слезу, и правда опустилась на колени. На несколько недолгих, но тяжёлых минут она погрузилась в молитву, ту самую, что мама читала ей в детстве перед сном. Вскоре поднявшись обратно на ноги, Лили, слегка отряхнув мокрые, грязные листья, прилившие к её ногам, повернулась к Мие и положила голову ей на плечо. Нет, она не плакала: Лили всё так и не могла осознать потерю матери, с которой ещё “вчера” она ехала в машине, и которая совсем недавно обещала рассказать ей некие важные новости. Однако ей понемногу стало приходить осознание всего того, что сделали для неё отец и Мия. Она вдруг поняла, насколько сильно они любят её, с какими усилиями они на протяжении многих дней переживали то, что для неё самой каждый день было чем-то новым. Но она не могла выразить благодарность ни Мии, ни отцу. По крайней мере сейчас.

Что-то негромко зашуршало за спинами девочек – тяжёлыми шагами к ним подошёл отец. “Ну что, поедем?” – железным голосом спросил он. Лили в последний раз окинула взглядом могилу матери и, взяв под руку сестру, все вместе они пошли к машине.

Опустившись на чёрную, тонко скрипящую кожу кресел, отец всё такими же трясущимися руками завёл автомобиль и вскоре они сдвинулись с места, тихо покотившись по скользкой грязи на дороге. Лили, будто *тогда, в тот самый день*, прислонилась головой к холодному стеклу и стала вновь наблюдать медленно появляющиеся и исчезающие виды крон одиноких деревьев; иногда падающие с неба редкие капли приближающегося дождя; листья, бурые и жёлтые, медленно отрывающиеся от своей родной ветки и, тихо планируя, падающие на сырую, пахнущую дождём землю.

Как только они выехали с кладбища, мотор зарычал сильнее, и мистер Джеймс, Мия, и Лили понеслись в сторону своего вечного пристанища. Пока ещё вечного.

Мотор рычал, сквозь воздух хладный

Летели трое наконец.

Их фатум – крайне беспощадный:

Сестра, сестра, отец-вдовец.

Деревья мимо них неслись

Янтарно-буро-злато-медные,

Судьба кричала – оглянись,

Не двигались их лица бледные.

Что думала та рыжая девчонка?

Какие мысли душу её рвали?

Ругала ли она отца подонка?
Или родных жалела, что страдали?

Боялась завтрашнего дня?
Не знала, что теперь и думать?
Пожалуй, да, имела страх она,
Пожалуй, да, не знала, что придумать.

Никто, однако, её мыслей не узнает,
Да и не поняли бы их, наверняка,
Холодный ветер всё листву качает,
Виднеется их дом издалека.

Дождь тихо капает, посвистывает ветер,
В окне бегут мерцанья встречных фар,
Весь мир – в сыром, оранжевом букете,
Какой ещё ждёт девочку удар?

Вскоре машина стремительно заехала на территорию их “дома” и они втроём, пройдя сквозь высокие, темно-деревянные, тяжёлые двери, вошли в здание отеля. Изнутри на них, холодных с улицы, повеял тёплый, приятно согревающий воздух. Лили всеми силами попыталась выдать из себя хоть какое-то смутное воспоминание, еле заметное очертание, чей-то силуэт, которые бы помог ей вспомнить, что именно здесь она проводила каждый свой день на протяже-

нии нескольких последних месяцев. Тем не менее подлый, не подчиняющийся мозг всё никак не мог дать ей хоть какую-то надежду на спасение и Лили лишь всё сильнее расстраивалась. Впрочем, это относительно лёгкое расстройство никоим образом не могло скрыть уже понемногу находящийся на неё ужас осознания того, что завтра она совершенно ничего не вспомнит. Совершенно. Ни своего визита к матери, ни всей этой истории, что рассказали ей сегодня Мия и Папа, ни даже этих самых ужасных мыслей о завтрашнем дне – Ничего-го. Страшно.

Мистер Джеймс, по чьей спине и лбу начали медленно катиться маленькие жемчужинки пота от резкой смены температуры, провёл девочек к уже привычным, уверенно стоящим на своих местах столам, достал откуда-то меню и, с ненастоящей улыбкой на лице, сказал: “Закажите себе пока что-нибудь, а мне надо наверху кое-что забрать”. Девочки, не обратив внимания на лёгкую нервозность в тоне и движениях отца, сказали, что подождут его внизу и мистер Джеймс поочередно поцеловал каждую из своих любимых дочерей своими трескающимися от наступающего холода губами. Пытаясь выглядеть спокойным, он, в несколько быстрых, размашистых шагов дошёл до металлически-серой двери лифта и, лёгким нажатием кнопки, распахнул её и вошёл внутрь. Как только двери сомкнулись и скрыли от него вид первого этажа, на котором остались два его солнышка, два его золотца, единственные, в ком он мог заметить отголосок

его любимой, по его лбу стали бежать всё более крупные капли пота, и в этот раз дело уже было не в смене температур. В кармане он снова нащупал тот же набор – новая, ещё в целлофане пачка сигарет, телефон в немного шершавом, коричневом кожаном чехле, увесистая зажигалка, и что-то довольно тяжёлое и прохладное. На его груди, почему-то более заметно, чем обычно, лёгким холодком лежал маленький медальончик, тот самый, серебряный, в форме сердца. Войдя в свой номер, мистер Джеймс ловкими движениями скинул с себя пальто и, распаковав сигареты, жадно закурил. Зажигалку он поставил на край стола, телефон кинул на кровать. Последним из тугого кармана он извлёк увесистый, холодный, с гладкой, деревянной ручкой, отделанной белой слоновой костью револьвер. Проверив наличие патронов в барабане и удостоверившись, что все они на месте, мистер Джеймс достал из-под подушки своей кровати аккуратно заклеенный белый конверт и маленькую, чёрную шкатулку. Руки невероятно тряслись, однако он всё же смог поместить эти предметы на стол, параллельно закулив сразу две новые сигареты. Белый дым немного успокоил его и он, рукавом стерев со лба пот, опустился на пол, облокотившись спиной на кровать.

Из с трудом открытого медальона на него смотрели зелёные, манящие глаза его жены. Она была там, на этой фотографии, навечно запечатлевшей тот счастливый момент именно такой, в какую её влюбился молодой, красивый, статный Джеймс Купер ровно двадцать лет тому назад.

Именно тогда, гуляя по летнему парку, они смеясь забежали в фото будку и, целуясь, сделали несколько мгновенных фотографий, одну из которых Джеймс сохранил. Навсегда. Именно в тот вечер он понял, что любит свою Камиллу окончательно и безвозвратно. И вот сейчас, через столько лет, в которых были и любовь, и горе, на него смотрит тот же игривый, страстный, но по-женски добрый взгляд его милой Джульетты. А он сидит на полу возле кровати, всё ещё довольно богатый и влиятельный, но разрушенный, изорванный, разбитый изнутри, с пистолетом в руке и считает секунды до своего манящего конца.

В это же время Мия и Лили благополучно, ничего вовсе не подозревая, сидели внизу и обедали. Лили, снова заказав всё тот же нисуаз, всеми силами пыталась уловить крупницы воспоминаний вкуса, запаха, консистенции, но с разочарованием обнаруживала, что вкус этот для неё был совершенно нов. Мия с печальной улыбкой посматривала на Лили и всё чаще проверяла время на часах, начиная понимать, что как-то уж слишком долго отец что-то забирает наверху. На фоне играла милая, спокойная, классическая мелодия. Пианино своими звуками умиротворяло всех вокруг и несмотря на исключительность сегодняшнего дня, все вели себя довольно расслаблено. Вдруг громкий, тупой хлопок прервал эту идиллию. Все были в замешательстве – кто-то сразу начал говорить о упавшей видимо на одном из этажей люстре, кто-то о слетевшей с петель двери, кто-то предположил, что у

лифта оборвался один из тросов. Однако Лили и Мия почему-то всё сразу поняли. Мгновенно. Без тени сомнения.

Бегом прибежав наверх, они хлёстко распахнули тяжелую дверь номера их отца и ворвались во внутрь. Переступив порог, они резко остановились, будто перед ними образовалась невидимая, бесконечная стена, разделившая их мир от мира мистера Джеймса. Из глаз Лили мигом потекли крупные, солёные слёзы. Она прижалась к груди Мии и закрыла глаза, сдавив в своей душе громкий крик отчаяния и боли. А Мия смотрела на всю представшую перед ней жестокую картину и не верила. Не верила, что потеряла ещё одного любимого человека.

Широкое, алое пятно на белой постели. Красная стена. Застывшие на курке пальцы. Лежащее на полу серебряное сердце. Маленькое, неразборчивое изображение на одной из его сторон. Зелёные, глубокие глаза и добрая улыбка на другой. И *он* тоже улыбался.